

УДК 821.161.1

Чаусова И.В.

Московский государственный областной университет

**«ВСЁ, ЧЕМ В ЛУЧШИЙ ВЕЧЕР МЫ БОГАТЫ,
/ НАМ ТОБОЮ ВЛОЖЕНО В СЕРДЦА»:
ОБРАЗ МАТЕРИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

I. Chausova

Moscow State Regional University

**“ВСЕ, ЧЕМ В ЛУЧШИЙ ВЕЧЕР МЫ БОГАТЫ, /
НАМ ТОБОЮ ВЛОЖЕНО В СЕРДЦА”:**

THE IMAGE OF MOTHER IN EARLY LYRIC POETRY BY M. TSVETAEVA

Аннотация. Статья посвящена одной из наименее изученных в современном цветаяеведении тем – ранней лирике поэтессы. Образ матери рассматривается в статье на материале первых двух цветаяевских сборников – «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912). Большое внимание в статье уделяется многообразию психологических состояний лирической героини, пережившей в детстве раннюю утрату матери и воссоздающей в своей памяти её образ. В данном исследовании показано, что образ матери становится своеобразным эмоциональным камертоном обеих книг. Последовательный анализ ряда стихотворений в двух сборниках приводит к выводу, что без обращения к образу матери, присутствующему в них, невозможно понять своеобразие философско-эстетических взглядов М.И. Цветаевой, положенных в основу её раннего творчества.

Ключевые слова: цветаяеведение, ранняя лирика, образ матери, философско-эстетические взгляды, лирическая героиня, психологическое состояние.

Abstract. The article is devoted to one of the least studied themes in the present “tsvetaevedenie” - early lyric poetry of the poetess. In this article the image of mother is considered on the material of the first two Tsvetaeva’s collections - «Evening Album» (1910) and «Magic Lantern» (1912). Much attention is paid to the variety of psychological states of a lyrical character, who experienced loss of mother in early childhood and recreated her image in memory. This study shows that the image of the mother becomes a kind of emotional «tuning fork» of the two books. Sequential analysis of several poems in two collections leads to the conclusion that without addressing the image of the mother, it is impossible to understand the uniqueness of the philosophical and aesthetic views of M. Tsvetaeva, which formed the basis of her early work.

Keywords: tsvetaevedenie, early lyric poetry, the image of the mother, the philosophical and aesthetic views, the lyrical character and psychological state.

Тонкая поэтическая душа юной Марины Цветаевой, впитавшая в себя воспоминания о беззаботном и счастливом детстве, раскрывается нам со страниц её первых сборников – «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912). Значительное место в этих книгах занимает образ матери.

В ранней цветаяевской лирике он несёт в себе многие реальные черты матери поэтессы, Марии Александровны Мейн (1868-1906), рано ушедшей из жизни. Кроме того, он тесно связан с другими сквозными образами сборников – образами детства и дома.

Мать Цветаевой, сложная и богато одарённая натура, отдавала все свои знания и всю свою любовь воспитанию двух дочерей – Муси и Аси. Самоотверженно стремясь сделать своих

© Чаусова И.В., 2012.

любимых дочерей людьми образованными и всесторонне развитыми, она вложила в них очень много. Но прежде всего это было *воспитание души*. Гораздо позднее, в очерке «Мать и музыка» (1934), Цветаева скажет: «О, как мать торопилась, с нотами, с буквами, с «Ундинами», с «Джэн Эйрами», с «Антонами Горемыками», с презрением к физической боли, со Св. Еленой, с одним против всех, с одним – без всех...<...> Чтобы было чем помянуть! <...> Как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсегда вытесняя из нас всю весомость и видимость. И какое счастье, что всё это было не наука, а Лирика, – то, чего всегда мало...» [4, с. 40]. И совсем неслучайно так ярко и многогранно раскрылся в дальнейшем весь духовный и творческий потенциал сестёр Цветаевых.

Мария Александровна с самого раннего детства прививала дочерям любовь к музыке и литературе. Будучи талантливой пианисткой, она учила детей искусству игры на фортепьяно, мечтала о том, чтобы они тоже связали свою жизнь с музыкой, но судьба распорядилась иначе.

Мир художественной литературы мать открывала им с таким самозабвением, что Ася и Муся не могли не влюбиться в этот волшебный мир, который всё больше манил к себе с появлением каждой новой книги. Позже, когда девочки подросли, они сами стали, читая, буквально растворяться в книгах, сопереживая героям, ощущая себя участниками происходящих событий. Это и стало началом их литературного пути. Как заметила Цветаева в уже упомянутом очерке: «После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом» [4,42].

В первых сборниках Марины Ивановны образ матери фрагментарен, едва уловим. Создавая его с помощью значимых деталей, поэтесса обращается к тем дорогим, светлым воспоминаниям о самом близком человеке, которые остались в её памяти и сердце после смерти Марии Александровны. На страницах сборника «Вечерний альбом» то и дело появляются приметы присутствия матери:

это её голос, вещи, слёзы (столь непонятные детям), руки, тронувшие рояль. Например, в стихотворении «Пробуждение» начало нового дня сопровождает та музыка, которая неразрывно связана с образом матери:

В зале — дрожащие звуки...
Это тихонько рояль
Тронули мамины руки [5, с. 94].

В своей поздней прозе Цветаева оставила нам такой портрет матери за роялем: «... вижу её коротковолосую, чуть волнистую, никогда не склонённую, даже в письме и в игре отброшенную голову, на высоком стержне шеи между двух таких же непреклонных свеч...» [4, с. 45]. Там же она признавала: «Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики...» [4, с. 45].

Однако понимание того, сколько эта удивительная женщина сумела за столь короткий период времени вложить в души своих детей, пришло к Цветаевой очень рано. Именно поэтому ещё в «Вечернем альбоме», в стихотворении «Маме», она напишет:

Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца [2, с. 82].

Бесконечная тоска, горечь утраты, ощущение одиночества, мотив прощания неразрывно связаны в сборнике с образом матери. Безусловно, это продиктовано трагическим ощущением невозвратной потери. Так, стихотворение «В ОУЧУ» открывает перед нами картину расставания двух маленьких сестёр с матерью:

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy! [2, с. 53].

Несмотря на то что в этот момент девочки расстаются с матерью ещё не навсегда, мы чувствуем, как глубока тоска Цветаевой-поэта. Ведь она уже знает, что это – «канун» вечной разлуки. Героиням так хочется оста-

новить время, чтобы подольше побыть с самым близким человеком, прикоснуться к его руке, ощутить единение душ и сердец в этот «предзакатный час»:

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy! [2, с. 53].

Мгновения настоящего счастья для лирической героини – то время, которые она может провести рядом с матерью. Цветаева запечатлела это в стихотворении «Как мы читали LICHTENSTEIN». Ощущение полной гармонии дополняет здесь атмосфера прекрасного летнего дня и чтение любимой книги:

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух [5, с. 34].

Наступает момент настоящего волшебства для маленьких героинь, ведь о большем нельзя и мечтать! Дети рядом с любимой мамой, слышат её «милый голос», наслаждаются каждой секундой, растворяясь в каждом слове, улавливая всё и сохраняя в сердце этот сладкий миг:

Словно песня — милый голос мамы,
Волшебство творят её уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямые,
Там, на солнце, нежен лик Христа... [5, с. 34].

От зорких детских глаз не ускользает ничего, хочется раствориться во всём, что видишь и слышишь. Такие минуты невозможно вернуть, но и забыть их нельзя.

Стихотворение «Книги в красном переплёте» в полной мере передаёт очарование чудесного вечера, проведённого за чтением. В памяти поэтессы вновь звучит любимый голос, она вводит в текст стихотворения небольшую реплику матери, – и картины детства, столь дорогие для неё, оживают вновь:

Чуть лёгкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
— «Уж поздно!» — «Мама, десять строк!»...
Но к счастью мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома! [5, с. 40].

Образ матери связан в книге не только с образом дома, но и с любимым Цветаевой тарусским краем. В стихотворении «Мы на даче» яркие краски природы словно оттеняют красоту дорогого человека:

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок.
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.
Наша мама не любит тяжёлой прически, -
Только время и шпильки терять!
Тихий лучик упал сквозь березки
На одну шелковистую прядь [5, с. 111].

Умиротворённое настроение автора передаётся читателю и погружает его в мир гармонии и беззаботной радости детства.

Однако помимо того образа, который непосредственно связан с Марией Александровной, в «Вечернем альбоме» присутствуют и другие романтические образы матерей. Основываясь на собственных переживаниях и эмоциях, Цветаева, вместе с тем, стремится понять чувства других людей. При этом, как правило, она сосредотачивается на той драме, которую могут переживать и ребёнок, и его мать. Например, в стихотворении «Самобийство» появляется тема смерти. Мы видим трагическое прощание матери, принявшей роковое решение, со своим ребёнком:

Был вечер музыки и ласки,
Всё в дачном садике цвело.
Ему в задумчивые глазки
Взглянула мама так светло! [5, с. 24].

Кажется, что здесь ничто ещё не предвещает страшной развязки: ни музыка, ни цве-

тение сада, ни свет материнских глаз. Но эта гармоничная картина тёплого летнего вечера разрушается на наших глазах:

Когда ж в пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Он понял — жестом злого жезла
Её колдун увлѣк туда [5, с. 24].

Пронзительное ощущение одиночества рождает в сознании ребёнка единственно возможное для него объяснение произошедшего: мать «исчезла», то есть покинула его лишь по воле колдуна. Цветаева в этом стихотворении не делает акцента на поступке отчаявшейся матери, она раскрывает глубину переживаний мальчика, оставшегося сиротой, потому что это близко ей самой:

Он понял — прежде был он чей-то,
Теперь же нищий стал, ничей [5, с. 25].

И всё-таки в финале стихотворения звучит фраза, которая дарит надежду. Цветаева верит сама и наделяет этой верой своих героев: «Всегда // Любовь и грусть — сильнее смерти» [5, с. 25].

Схожие события и настроения можно увидеть и в стихотворении «Мама на лугу». Здесь тема смерти вновь становится ведущей:

Вы бродили с мамой на лугу,
И тебе она шепнула: «Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы
Я тебя, как прежде, берегу!» [5, с. 44].

Цветаева глубоко сопереживает герою, его молчаливая грусть понятна ей в полной мере. Анастасия Цветаева, родная сестра поэта, в своё время написала: «Легко ли поверить, что эти стихи написала девушка, еле перешагнувшая порог отрочества?.. Такова была Марина. Она всё знала — заранее» [1, с. 37]. Предчувствие разлуки с матерью, горечь

недетской тоски маленького героя переданы проникновенно и психологически тонко:

Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Всѣ цвело и пело в вечер мая...
Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит её твоя слеза [5, с. 45].

Для Цветаевой важно подчеркнуть, что герой стихотворения обладает удивительно нежной и чуткой душой (недаром мальчик так боялся «смутить» мать своими слезами, не желая причинить ей малейшую боль). При этом она побуждает читателя понять, что мучительно страдают (каждый по-своему) и ребёнок, и взрослый. Обращаясь в конце стихотворения к осиротевшему мальчику, поэтесса призывает его:

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко
Там, в саду, где Бог и облака [5, с. 45].

Эти слова звучат как поддержка мальчику, потерявшему мать, и, возможно, как утешение для самой Цветаевой, пережившей подобную трагедию. Смерть как избавление от страданий, как переход в лучший мир не раз становится темой ранних стихотворений поэтессы.

Совсем иным настроением проникнуто стихотворение «Мама в саду». Всё здесь полно безмятежности, тепла и света: в цветущем саду мать пытается приколоть гвоздику сыну, но упрямый сорванец «ищет ...уловку», чтобы «улизнуть»:

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на причёске,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове [5, с. 43].

Ключевым образом стихотворения становится солнечный свет. «Тени» есть, они где-

то рядом («Только там, за домом, тени...»), но они не должны омрачать эту трогательную, милую картину:

Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток [5, с. 43].

Материнская любовь и забота окружают и маленькую героиню стихотворения «У кровати». Умиротворённая атмосфера вечера и голос мамы, рассказывающей волшебную сказку, потихоньку убаюкивают малышку и погружают её в сон:

— «Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки»...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки [5, с. 46].

В стихотворении «Мама за книгой» причудливо соединяются лирическое начало и добрая улыбка автора. Героиня с восторженным упоением погружается в чтение, но дети настойчиво требуют её внимания:

...Сдавленный шёпот... Сверканье кинжала...
— «Мама, построй мне из кубиков домик!»
Мама взволнованно к сердцу прижала
Маленький томик.

...Гневом глаза загорелись у графа:
«Здесь я, княгиня, по благодати рока!»
— «Мама, а в море не тонет жирафа?»
Мама душою — далеко! [5, с. 93].

Поэтессе близки и понятны и чувства детей, и эмоции героини. С одной стороны, она признаёт за детьми право получить немедленные ответы на свои очень важные вопросы. Но, с другой стороны, и в увлечённости героини романтическим повествованием ей видится что-то по-детски трогательное.

Все черты, присущие образу матери в «Вечернем альбоме», так или иначе проявляются и в сборнике «Волшебный фонарь». Че-

рез какой-то штрих, через деталь, передаётся самое главное, что так восхищало и притягивало юную поэтессу в материнском облике и поведении. Мы словно становимся свидетелями потаённой жизни её души:

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слёз на ресницах,
Когда умолкала рояль [3, с. 15].

Образ раненых птиц подчёркивает восприимчивость, глубокую чувствительность героини, символизирует тонкость её натуры.

Стихотворение «За книгами» – ещё одно воспоминание о счастливых минутах детства, о поездке с мамой в книжный магазин. Книги – родная стихия как для матери, так и для дочери. Сердце маленькой героини в этот зимний вечер переполнено восторгом и счастьем:

Прямо в рот летят снежинки...
Огонёчки фонарей...
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»
Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я всё прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус солёного прилавка [5, с. 108].

Неповторимы и незабываемы для обеих сестёр Цветаевых были вечера, когда они вместе слушали рассказы матери. Эти заветные часы, как вспоминала позже А.И. Цветаева, они называли журавлиным словом «курлык» и помнили всю жизнь:

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык» [3, с. 17].

Анализируя раннюю лирику М.И. Цветаевой, можно заключить, что образ матери играет в ней особую роль, являясь некой связующей нитью между сказочным миром

фантазий, в котором пребывают дети, и реальным миром. Образ матери неразрывно связан для поэтессы с миром природы, теплом и уютом родного дома. Мать в первых цветаевских книгах предстаёт перед нами в облике человека, внешне спокойного и сдержанного, но несущего в душе какую-то тайну, загадку, живущего напряжённой и наполненной внутренней жизнью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Цветаева А.И. Воспоминания. – М., 1984. – 768 с.
2. Цветаева М.И. Вечерний альбом: Стихи. – М., 1910. – 224 с.
3. Цветаева М.И. Волшебный фонарь: Вторая книга стихов. – М., 1912. – 148 с.
4. Цветаева М.И. Вольный проезд. – СПб., 2005. – 384 с.
5. Цветаева М.И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3-х томах. Том 1. Стихотворения и поэмы 1910-1920. – М., 1990. – 655 с.